

Фарафонова О. А. Античный код «Записок адмирала А. С. Шишкова» / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2016. — № 4 (52). — С. 167—180.

УДК 82-94

Античный код «Записок адмирала А. С. Шишкова»*

© **Фарафонова Оксана Анатольевна (2016)**, кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет», oxana.faroks@yandex.ru.

Статья посвящена выявлению и исследованию античного культурного кода в русской мемуарной литературе конца XVIII — начала XIX веков. Материалом послужил автобиографический травелог А. С. Шишкова «Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштада в Константинополь». Новизна исследования определяется тем, что сквозь призму античного кода прочитывается не художественный текст, а произведение мемуарно-документального характера. В работе показано, что о степени проникновения античности в ментальные пласты культуры лучше всего могут сказать мемуарные произведения, стоящие на границе литературы и документалистики и имеющие своей целью автоописание жизни отдельной личности в современную ей эпоху. В ходе исследования было выявлено, что античный культурный код «Записок о путешествии» А. С. Шишкова неоднороден и реализуется в двух вариантах, которые условно могут быть обозначены как *троянский* и *константинопольский*, или *цареградский*, коды. Троянский код складывается на основе произведений Гомера и Вергилия, к которым постоянно обращается А. С. Шишков, описывая свое путешествие. Константинопольский вариант античного кода в «Записках» связан прежде всего с идеей «греческого проекта» Екатерины II. Византия и античная Греция составляют в «Записках» Шишкова единый образ безвозвратно ушедшего прошлого.

Ключевые слова: античный культурный код; мемуары; травелог; путевой дневник; А. С. Шишков.

1. Место античности в русской культуре XVIII века

Значимость античного кода для русской культуры XVIII века трудно переоценить, поскольку именно античность в России этого периода «стала языком культуры, эстетическим идеалом, ориентиром, в сопоставлении

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII — начала XIX века”» (№ 15-04-00508а).

с которым и в противопоставлении которому оттачивалась самобытность русской культуры». Именно в контексте античности, по словам исследователей, «складывались новые культурные ценности» петровского и послепетровского имперского государства [Подтергер, 2008, с. 260]. При этом в усвоении античных моделей русской культурой в XVIII веке наблюдается определенная логика и закономерность. Если в начале XVIII века вектор восприятия античности задавался «сверху» — волей монарха, стремившегося к тому, чтобы управляемое им государство обрело единый с Европой язык, то во второй половине столетия античность уже настолько прочно входит в сознание культуры, в первую очередь дворянской, что становится почти обиходной. И. А. Подтергер в этой связи отмечает, что «элементы античной культуры, усвоенные европейской цивилизацией и в ходе ее многовековой истории подтвердившие свою непреходящую ценность, благодаря петровским “переносам” стали частью государственной политики России XVIII века, прочно вошли в культуру и быт страны» [Подтергер, 2008, с. 261]. Деятельность Петра I, направленная на «присвоение» русской культурой античности (использование античных мотивов в архитектуре и градостроительстве, литературе и т. п.), привела в итоге к тому, что античность действительно принимается русским сознанием и начинает осознаваться как нечто неотделимое от истории России как европейской державы. Это привело к возникновению в русской культуре XVIII века такой ситуации, которую С. Николаев назвал «антикизацией» [Николаев, 1995, с. 85]. В. М. Найдыш отмечает, что в изучении античной мифологии в это время «усматривали и необходимое условие, и один из главных признаков европеизации страны» [Найдыш, 2002, с. 501]. Е. Е. Приказчикова, кроме этого, отмечает и тот факт, что «знание античной мифологии и любовь к ней становилась символом лояльности человека новой императорской власти» [Приказчикова, 2009, с. 102]. Античность в петровскую и послепетровскую эпоху выступает в России, по мнению В. М. Живова и Б. А. Успенского, как «средство перевоспитания русского общества» [Живов и др., 2000, с. 484]. От себя добавим, что не только общества, но и каждого его члена, в особенности — дворянина, который выстраивал зачастую свою жизнь, соотнося ее с жизнеописаниями древних греков и римлян*. «Можно сказать, что <...> культура античности превратила античность во вторую действительность для человека последней трети XVIII — начала XIX века», — пишет Е. Е. Приказчикова в работе, посвященной античности в русской культуре [Приказчикова, 2009, с. 105]. Таким образом, все ис-

* Об этом замечательно писал в свое время Ю. М. Лотман, обозначив даже особый феномен в русской культуре XVIII — начала XIX веков — «жизнь по книге» [Лотман, 2000].

следователи, обращавшиеся к античной теме в русской культуре, сходятся в том, что античность, прочно вошедшая в русскую культуру в XVIII веке, безусловно, стала неотъемлемой частью ее, найдя отражение в разных видах русского искусства, особенно в архитектуре и литературе, прежде всего в поэзии и драматургии. Однако о степени проникновения античности в ментальные пласты культуры лучше всего могут сказать мемуарные произведения, стоящие на границе литературы и документалистики и имеющие своей целью автоописание жизни отдельной личности в современную ей эпоху. Значимые для культуры в целом феномены отражаются, разумеется, и в автобиографической прозе, при этом они приобретают зачастую личностный характер, определяемый тем фактором, что мемуарист пишет прежде всего о том, что сохранилось, запечатлелось в его сознании несмотря на прошедшее время.

2. Специфика мемуарно-дневникового тревелога А. С. Шишкова

Цель настоящей статьи состоит в определении места и функции античного культурного кода в произведении мемуарного характера, которое принадлежит к тому пласту автоописательных текстов, которые принято включать в корпус «литературы путешествий», — «Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешеавания его из Кронштада в Константинополь».

Как отмечает О. С. Тополова, «со второй половины XVIII века резко возрастает количество путевых дневников». Исследователь связывает это с влиянием на литературу путешествий мемуарно-автобиографической прозы, «в рамках которой дневник стал своеобразным способом, с одной стороны, фиксации ежедневных событий, а с другой — самопознания автора» [Тополова, 2013, с. 62—67]. Добавим от себя, что мотивировки ведения путевых дневников могли быть в связи с этим совершенно различными — от целенаправленной фиксации всего видимого в пути для «памяти» до действительно медитативных почти зарисовок в духе сентиментально-предромантических тенденций. «Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешеавания его из Кронштада в Константинополь» стоят примерно на середине этой условной шкалы, поскольку в них есть и последовательная фиксация событий, и описание собственных чувств и переживаний. «Путешествие продолжалось три года. — пишет потомок рода Шишковых Вера Филатова-Шишкова. — За это время он побывал в Италии, Греции, Турции. Во время путешествия А. С. Шишков вел дневник, куда вносил свои путевые записи» [Филатова-Шишкова, 2001, с. 79]. Изданные в 1834 году в типографии Императорской Российской Акаде-

мии «Записки адмирала А. С. Шишкова» представляют собой, скорее всего, литературно обработанный путевой дневник*, который он вел, будучи членом указанной экспедиции под командованием Т. Г. Козлянинова (впоследствии вице-адмирала). Объясняя отбор фактов и эпизодов, которые он включает в повествование, Шишков отмечает, что «предположил себе упоминать только о тех происшествиях, которые покажутся мне в жизни моей достопамятнейшими» [Шишков, 1834, с. 18—19]. Отметим в связи с этим еще и то, что не только сами ситуации, но и язык, которым они описаны, исторические и литературные сравнения и соположения, используемые мемуаристом, носят очевидно личностный характер.

В таком контексте античный код «Записок» А. С. Шишкова представляет особый интерес. Этот код неоднороден, он реализуется в двух вариантах, которые условно могут быть обозначены как троянский и константинопольский, или цареградский, коды.

3. Эпические тексты Гомера и Вергилия как основа античного кода «Записок» Шишкова.

Из всего античного наследия, вполне уже знакомого русскому читателю XVIII века**, Шишков чаще всего апеллирует к двум авторам: Гомеру и Вергилию. Хотя справедливости ради уточним, что Вергилий упоминается на страницах «Записок» однократно и неотрывно от Гомера: *Не родись Гомер и Вергилий: сколько имен и дел, сквозь множество веков гремящих, потонули бы давно в реке забвения!* [Шишков, 1834, с. 69] (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника). Это замечание Шишкова, указывающее на тексты античных поэтов как на источник точных сведений о минувшем, словно противопоставлено в «Записках» нескольким эпизодам путешествия, в которых русские моряки сталкиваются с серьезной проблемой «неверного счисления» градусов широты и долготы и,

* От дневника в чистом виде «Записки» А. С. Шишкова отличаются тем, что записи ведутся, хоть и в хронологической последовательности, но без «поденного» деления. Деление на части обусловлено в «Записках» двумя факторами: географическим положением эскадры и «достопамятностью» событий. Однако мы не располагаем достоверными данными о том, отличается ли существенно текст «Записок» от веденного во время похода дневника, был ли этот дневник литературно обработан перед публикацией 1834 года.

** М. Н. Лонгинов пишет о дворянстве XVIII века: «Греки и римляне, вечные учителя и образователи человечества, были лучше знакомы нашим дедам, чем нам. Они могли уже тогда читать в русских переводах Гомера, Гезиода, Анакреона, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта, Вергилия, Горация, Овидия, Цицерона, Тацита, Саллюстия и других древних авторов. Так как сочинения их раскупались, то нет сомнения, что пишущая братия того времени была просвещена и что не только она, но и вообще люди, имевшие склонность к образованию, читали иногда древних» [Лонгинов, 2000, с. 34].

следовательно, принципиальной неточности карт, по которым они должны были ориентироваться и пролагать маршрут плавания. Зачастую опасность таится именно в том, что должно, напротив, обеспечить некоторую уверенность мореплавателей и служить им ориентиром. Неточности современной Шишкову морской картографии могли привести к фатальным последствиям. Так, например, в «Записках о путешествии» описывается случай по пути к Сицилии: *Это случилось под вечер, мы <...> смерив по карте Сицилию в таком еще расстоянии от нас, что располагая по ходу судна, не прежде можем увидеть ее как завтра поутру, прибавили парусов и пустились на всю ночь плыть со всевозможною скоростью. Настала темная ночь. Фрегат наш летел! Я стоял на вахте. <...> Вдруг часу во втором или в третьем ночи увидел я перед самым носом судна превеликий пламень, который в одно мгновение вспыхнул и потом исчез. <...> Тогда туже минуту велел я <...> положить руль на борт, разбудил людей и приведя фрегат к ветру лег в дрейф. <...> По рассвете открылись нам Сицилийские берега и мы недалеко от нас увидели, малый в окружности, но со всех сторон утесистый и довольно высокий каменный остров, называемый Стромбул*. Он огнедышащий и весьма редко бросает из себя пламень [Шишков, 1834, с. 22—24]. В картографическом вычислении «была великая погрешность», мореплаватели «по карте считали себя гораздо далее от Сицилии нежели в самом деле были». Если бы не вулканический выброс, фрегат в темноте налетел бы на остров и все закончилось бы весьма печально.*

Неточности картографического указания, которые отмечает Шишков, могут быть обусловлены, конечно, еще и тем, что на обширном пространстве водной глади нет стабильных ориентиров для мореплавателей даже на тех маршрутах, которые уже проходились, и не раз, другими. Но следы предшественников «потонули в реке забвения», не осталось никаких верных указателей. Карты неточны. Следовательно, невозможно быть абсолютно уверенным, что находишься на верном пути. Примечателен в связи с этим еще один из описываемых Шишковым эпизодов путешествия: *Мы ходили назад и вперед по такому месту, где на голландской карте, по которой мы плыли поставлен был крестик, означавший, что тут находится подводный камень. <...> Однажды, мы сидели за ужином и разговаривали об этом. Иные утверждали, что это пустое воображение того, кто сочинял карту. Кто мог, говорили они, вподробности узнать, есть ли тут камень или нет? Тот, кто на него наткнулся, не мог известить о нем других, и без сомнения тайну свою унес с собою на дно моря [Шишков, 1834, с. 4].*

* Имеется в виду небольшой вулканический остров Стромболи к северу от Сицилии.

Один из офицеров экспедиции предложил весьма остроумный способ преодоления сомнений: *Да хотя бы и точно тут был камень, я знаю верное средство его миновать. Какое же? — спросили мы. Стараться на него попасть, отвечал он. Счисление не может быть без погрешности* (выделено нами. — О. Ф.); *и так держа прямо на него непременно пройдем мимо. Мы засмеялись, и нашли способ его надежнее всех других предосторожностей* [Шишков, 1834, с. 4—5]. Для нас в данном случае важна констатация как неоспоримого факта принципиальной невозможности «верного счисления», карта морских путей, по твердому убеждению самих моряков, не может быть абсолютно точной, тогда как литературные тексты, пусть даже и древнейшего периода, в «Записках» Шишкова представлены как источники достоверной информации: *Мы часто съезжали на берег, на сию толико в греческих бытописания прославленную землю, называемую Аттикою, ходили по пустым едва обитаемым местам, ничего не попадалось нам на ней <...> кроме, что находили инде, почти уже сравнивавшиеся с землею, подножия огромных мраморных столпов* [Шишков, 1834, с. 29]. Общекультурный (для Европы и европейцев прежде всего) античный код, сохраняемый на уровне генетической памяти благодаря мифологическим и легендарным сказаниям древних, становится для Шишкова помощью и ориентиром на чужом ему, казалось бы, берегу, в незнакомом пространстве: *Я спешил съехать на берег, дабы побывать в том месте, откуда некогда Агамемнон, Ахилл, Улисс, Менелай и другие Греческие Цари готовились со флотом идти на противулежащий <...> берег, на котором стояла древняя Троя* [Шишков, 1834, с. 31]. Тексты Гомера и Вергилия, в противоположность морским картам, являются для Шишкова безусловно точными и четкими ориентирами, сохраняющими следы и память давно утраченного минувшего. Мифическая Троя реальнее «камня», отмеченого на морской карте крестом. «Илиада», «Одиссея» и «Энеида» становятся для Шишкова своего рода картой суши, на которую он с товарищами время от времени высаживается. Именно благодаря античным текстам греческий берег не является для Шишкова чем-то безусловно чужим, а воспринимается, скорее, как неизведанное, но свое, знакомое, однако забытое. Мотив узнавания / воспоминания окружающего пространства через античные тексты присутствует во всех эпизодах «Записок», которые связаны с посадкой русских моряков на греческие и итальянские берега. Узнаванию способствует воображение путешественника, основанное на знании поэтических произведений Гомера и Вергилия: *Однако ж воображение работало и душа поражалась при взгляде на те места, где за несколько пред сим веков Гектор сражался с Ахиллесом, где погиб Приам, где Елена с*

Парисом воздыхала, где плакала Андромаха, и откуда Эней, исхитив из пламени отца своего Анхиза, уехал за тем, чтобы воспалить любовию несчастную Дидону и построить на море чудный город Венецию [Шишков, 1834, с. 68].

Следы еще одного троянца — Антенора, «Приамова брата» — Шишков обнаруживает в Падуе: «В Падуе остановились только на короткое время. Город сей построил Антенор, Приамов брат; он по разорении Трои, переплыв Иллирийское море, пристал здесь и поселился с своими троянцами» [Шишков, 1834, с. 105]. Троянская история в контексте «Записок» Шишкова выполняет роль некой константы — безусловной и абсолютной точкой отсчета. В той же степени, что и легендарный город, Шишкова заинтересовала Венеция — единственный из посещенных им во время сухопутного путешествия по Италии городов, о котором он пишет подробно и с нескрываемым восхищением, дважды употребляя эпитет «чудный город». Говоря о других посещенных им городах, Шишков предпочитает описывать, скорее, свое в них времяпрепровождение, объясняя это отчасти тем, что предоставляет *это искуснейшим моего перьям, изобразившим уже оные во многих повествованиях и путешествиях* [Шишков, 1834, с. 91]. Таким образом, Венеция — *чудный город, о котором можно сказать, что он лежит ни на земле, ни на море* [Шишков, 1834, с. 106] — оказывается самым значительным «случаем» путешествия Шишкова по Италии. Возможно, поэтому он утверждает, что основателем Венеции является троянец Эней, хотя о том, что именно Эней явился основателем Венеции, в поэме Вергилия не говорится. Венеция, как и Падуя, оказываются, таким образом, для Шишкова частью троянской истории и основой античного кода, при помощи которого автор-мемуарист выстраивает пространство своего путешествия-путешествия.

4. Греческо-византийская доминанта античного кода «Записок» А. С. Шишкова

Отсылы к Гомеру в «Записках о путешествии» гораздо точнее и обширнее упоминаний поэмы Вергилия, что, возможно, говорит о большей значимости для Шишкова именно греческого, осмысляемого через произведение Гомера, контекста. А. Балдин, описывая в своей книге реальные и вымышленные путешествия русских писателей, уделяет некоторое внимание и адмиралу Шишкову. В его рассуждениях мы находим отчасти объяснение обнаруживаемому в «Записках о путешествии» тяготении их автора к гомеровским сюжетам. По мнению А. Балдина, именно Греция во времена античности и позже — во времена Византийской империи —

задает определенный «ментальный вектор» не только этому конкретному путешествию-путеплаванию Шишкова, но его мировоззрению в целом, что отразится позже в знаменитом противостоянии архаистов и новаторов, шишковистов и карамзинистов. Во время же путеплавания Шишкова 1776—1778 гг., описанного им в автобиографических «Записках», считает А. Балдин, «наиболее ярки оказались его впечатления на заключительном отрезке пути — Ионическое и Эгейское моря, поход вокруг Греции, находившейся под властью турок. <...> Шишков хорошо различал за видимостью современной плененной турками Греции — Второй Рим, пусть сохранившийся в обломках, зато обладающий всеми признаками святости. Тот Второй Рим, тот мир был настоящим <...> и за него шла вечная война» [Балдин, 2009, с. 147—148]. «Вселенская война» за Второй Рим, за Царьград, общекультурная память о временах великих «Греческих Царей» [Шишков, 1834, с. 31], может, как нам кажется, служить объяснением того, что античный код «Записок» Шишкова, безусловно, имеет греческую доминанту. Византия и античная Греция составляют в мемуарном травелогe Шишкова единое целое, потому что, судя по «Запискам о путеплавании», времена Древней Греции и времена Византийской империи образуют единый образ безвозвратно утраченного прошлого. Царьград-Константинополь так же недостижим, как и легендарная Троя. Подтверждением единства древнегреческого и византийского контекстов становится отчасти и тот факт, что Константинополь назван в «Записках» *древней Греческих царей столицей*, а сама номинация *Греческие цари* в другом, процитированном выше, месте шишковского травелога объединяет имена Агамемнона, Менелая, Улисса, Ахилла и других героев «Илиады». С одинаковым сожалением пишет Шишков о «славном в древние времена городе Афины, который ныне знаменит токмо развалинами своими» [Шишков, 1834, с. 28], и о «великолепном храме, что был некогда церковию святяга Софии, а ныне стал мечетью» [Шишков, 1834, с. 49]. Почти элегической печалью проникнуты строки «Записок», в которых говорится о неудавшемся Греческом проекте Екатерины II: «Екатерина Великая ослабила исполинскую силу Магометанской Порты, назвала внука своего Константином и обучала его греческому языку, дабы некогда, по освобождении Греции из оков магометанства, соделать его царствующим в Константинополе. Она имела на то свои виды, которые после ней с течением времени и при переменах политических в Европе обстоятельство изменились и приняли иное направление» [Шишков, 1834, с. 49]. Античный код «Записок адмирала А. С. Шишкова», таким образом, вбирает в себя собственно древнегреческую и древнеримскую составляющие, дополненные константинопольским кодом. И если размышления

об освобождении Греции и несостоявшихся планах Екатерины II задают, по определению А. Балдина, «ментальный вектор» путешествию будущего адмирала (Кронштадт — Константинополь, Россия — Византия), то произведения античных авторов выполняют в «Записках» Шишкова, кроме всего прочего, функцию маркеров географического пространства. Важным представляется и то, что именно «Илиада» и «Одиссея» образуют своего рода текст-карту, определяя не только точку видения и описания автором-мемуаристом собственно географического пространства, но, что представляется все же наиболее существенным, и видение мира и определение своего в нем места. Причем «Одиссея» в меньшей степени. Всего пару раз Шишков использует отсылы к «Одиссее»: *Подходя уже к Сицилии, где древние стихотворцы напугали нас Скиллами и Харибдами, ветер сделался довольно свеж и нам попутной* [Шишков, 1834, с. 22]; *Знаменитая гора Этна во всем величестве своем предстала перед нами, вознося вершину свою превыше облаков. Воображение представляло нам стучащих в ней по наковальне тяжельми молотами Циклопов* [Шишков, 1834, с. 25]. В обоих указанных случаях образы из «Одиссеи» выполняют, помимо пространственно-идентифицирующей, и сугубо литературную функцию — создание в автобиографических записках атмосферы опасного приключения. Так, упоминание *Скиллы и Харибды* предшествует уже процитированному выше фрагменту о чуть было не ставшем трагическим случае около Сицилии, а зарисовка, посвященная Этне, следует как раз после этого эпизода. Таким образом, создается своего рода композиционное обрамление одного из опаснейших моментов плавания.

«Илиада» же, в отличие от «Одиссеи», словно предоставляет Шишкову оптику, при помощи которой он окончательно опознает чужое, запредельное, пространство как свое*. Но дело, как нам представляется, даже не в маркировании окружающего пространства и расставлении определенных «вех» узнавания. Для автора «Записок о путешествии» даже сюжет описанной Гомером троянской войны словно накладывается на ту ситуацию, в которой находится он сам: *Я спешил съехать на берег, дабы побывать в том месте, откуда некогда Агамемнон, Ахилл, Улисс, Менелай и другие Греческие цари, готовились со флотом идти на противоположный берег, на котором стояла славная Троя* [Шишков, 1834, с. 51]. Корабли ахейцев, как и небольшая русская эскадра под ко-

* Это не первое путешествие Шишкова за пределы российского государства. Первое было совершено в 1771 году вместе с другими тридцатью учениками Морского кадетского корпуса из Архангельска через Белое море и вокруг Европы в Петербург. Но первое путешествие не было столь подробно описано А. С. Шишковым.

мандованием Т. Г. Козлянинова, отправились в плавание к иным берегам с целью восстановить справедливость, защитить поруганную честь и отомстить обидчику, пренебрегшему законами гостеприимства. Расстояние, которое преодолели русские корабли, несопоставимо эпичнее упомянутых Шишковым «двадцати верст», которые пересекли корабли ахейцев. Сама экспедиция, в которой участвует Шишков в чине мичмана, оказывается подобна описанной в «Илиаде» ситуации с троянским конем: русские военные корабли под видом купеческих должны пройти мимо турок в Черное море, убедив их в искренности своих намерений. Шишков так объясняет цель кампании: *Намерение состояло в том, чтобы сии три фрегата провести в Черное море, где в них настояла надобность; но надлежало провести их под видом торговых судов под купеческими флагами; ибо, по договорам с турками, они обязаны были пропускать чрез Константинопольский пролив купеческие только, а не военные суда* [Шишков, 1834, с. 51]. Когда же французы, пытаясь разоблачить планы русских, «внушили туркам подозрение», что суда, ведомые ими в Черное море именно военные, а не торговые, Шишков совершенно искренне негодует на такое вероломство европейцев. В контексте общей (античной) истории Европы французы — почти соотечественники. Поэтому Шишков так возмущен и действиями французов, оскверняющих христианские святыни: *Мы видели также несколько новейших Греческих часовен с написанными на стенах их изображениями святых и не могли надвинуться буйству и злостию безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтоб не обезобразить лица святых, и не начертать везде насмешливых и ругательных подписей. Удивительно до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов!* [Шишков, 1834, с. 29]. В контексте усвоенной вполне уже русской культурой мыслью о близости России и Европы, об общем истоке всех европейских культур — античности — поведение французов — «своих», европейцев и христиан — особенно поражает Шишкова. Исконные враги, захватчики и разрушители греческо-византийского мира турки противопоставляются французам: *Пусть бы сами они утопали в безверии, но зачем же вероисповедание других, подобных себе христиан, ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен?* [Шишков, 1834, с. 29]. Захватившие Святую Софию турки превратили ее из храма христианского в святыню мусульманской религии, но не покусились при этом на сакральность этого места. Христиане французы поступили не только вероломно по отношению к конкретной экспедиции русских, но и кощунственно по отношению к христианским реликвиям. В силу этого в «Записках» Шишкова прослеживается несоизмеримо

больше уважения к туркам, нежели к европейцам. Греческо-византийский античный код участвует, таким образом, и в выстраивании своеобразной геополитической карты.

Поиски следов древней цивилизации занимают Шишкова каждый раз, когда ему удается высадиться в том или ином месте на греческий берег. Это стремление носит в «Записках» характер личностный. Однако сверхличное — предписания воинского долга — каждый раз оказывается сильнее: *Мы воспламенились снова желанием увидеть Афины и как оныя уже были от нас не далее пятнадцати верст, то мы не смотря на великую нашу усталость, решили идти туда пешком <...> но едва только успели взойти на первую гору, как услышали пушечный выстрел и увидели на фрегате нашем марсель-лось (знак снятия с якоря). Таким образом, оставя все наши мечты об Афинах, принуждены мы были, на жалея ног, бежать к своим фрегатам и <...> ступили под паруса* [Шишков, 1834, с. 30]. Посетить Афины Шишкову так и не удалось, но Стамбул-Константинополь и легендарные земли Трои он увидел.

Желание побывать в местах, ставших колыбелью европейской истории, не может быть объяснено, как мы видели ранее, простым любопытством туриста. Это для Шишкова, скорее, необходимость определения оптики, при помощи которой можно определить угол и направление видения мира прежнего и мира современного. Мы не можем с полной уверенностью говорить о том, когда именно у Шишкова возникают античные ассоциации — непосредственно во время описываемых событий или позже, когда он готовит «Записки» к публикации. Однако совершенно очевидным представляется то, что обращения к античности в тексте выполняют роль кода, при помощи которого Шишковым не только объясняется, но и моделируется мир, определяются точки отсчета и выстраивается система ценностей.

Источники

1. *Шишков А. С.* Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь / А. С. Шишков. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Российской Академии, 1834. — 117 с.

Литература

1. *Балдин А. Н.* Протяжение точки: литературные путешествия : Карамзин и Пушкин / А. Н. Балдин. — Москва : ЭКСМО, 2009. — 576 с.

2. *Живов В. М.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII веков / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Из истории русской культуры : т. IV (XVIII — начало XIX века). — Москва : Школа «Языки русской культуры», 2000. — С. 449—536.

3. *Кнабе Г. С.* Русская античность : содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России : программа-конспект лекционного курса / Г. С. Кнабе. — Москва : Изд-во РГГУ, 1999. — 240 с.

4. *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты / М. Н. Лонгинов. — Санкт-Петербург : Лань ; Санкт-Петербургский университет МВД, 2000. — 672 с.

5. *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры : т. IV (XVIII — начало XIX века). — Москва : Школа «Языки русской культуры», 2000. — С. 13—348.

6. *Михайлов А. В.* Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX веков / А. В. Михайлов // Античность как тип культуры / под ред. А. Ф. Лосева. — Москва : Наука, 1988. — С. 308—324.

7. *Михайлов А. В.* Идеал античности и изменчивость культуры : рубеж XVIII—XIX веков / А. В. Михайлов // Быт и история в античности. — Москва : Наука, 1988. — С. 219—270. — ISBN 5-02-012639-X.

8. *Найдыш В. М.* Философия мифологии : от античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. — Москва : Гардарики, 2002. — 554 с.

9. *Николаев С. И.* Первая четверть XVIII века : эпоха Петра I / С. И. Николаев // История переводной художественной литературы : Древняя Русь : XVIII век : т. 1 : Проза / отв. ред. Ю. Д. Левин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. — С. 74—93.

10. *Подтергера И. А.* Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века / И. А. Подтергера // Русско-европейские литературные связи : XVIII век : энциклопедический словарь / отв. ред. П. Бухаркин. — Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. — С. 260—273.

11. *Приказчикова Е. Е.* Античность в литературном и бытовом сознании XVIII — первой трети XIX века через призму мифориторической культуры / Е. Е. Приказчикова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2009. — № 1 / 2 (63). — С. 102—113.

12. *Тополова О. С.* Типология очерковых записей в путевом дневнике второй половины XVIII века / О. С. Тополова // Вестник славянских культур. — 2013. — № 3. — С. 62—67.

13. *Филатова-Шишкова В.* «Неугомонный русопят» / В. Филатова-Шишкова // Наш современник. — 2001. — № 4. — С. 78—81.

Ancient Code of “Admiral A. S. Shishkov’s Notes”

© **Farafonova Oksana Anatolyevna (2016)**, PhD in Philology, associate professor, Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education “Novosibirsk State Pedagogical University”, oxana.faroks@yandex.ru.

The article is devoted to revelation and study of ancient cultural code in Russian memoir literature of the late XVIII — early XIX centuries. A. S. Shishkov’s autobiographical

travelogue “Admiral A. S. Shishkov’s Notes” was the material. Novelty of research is determined by the fact that not fiction but memoir-documentary work is read through the prism of ancient code. It is shown that the degree of penetration of antiquity into the mental strata of the culture can be demonstrated by memoirs, being on the border of literature and documentary and aiming to auto-describe the life of the individual in the contemporary epoch. The study revealed that the ancient cultural code of “Notes” by A. S. Shishkov is heterogeneous and is implemented in two variants, which conventionally can be named *Trojan* and *Constantinople*, or *Tsargrad*, codes. The Trojan code is based on the writings of Homer and Virgil, which A. S. Shishkov constantly refers to, when describing his trip. The Constantinople variant of antique code in the “Notes” is concerned primarily with the idea of “Greek project” of Catherine II. Byzantium and Ancient Greece form in the “Notes” by Shishkov a single image of the past irrevocably gone.

Key words: ancient cultural code; memoirs; travelogue; travel diary; A. S. Shishkov.

Material resources

Shishkov, A. S. 1834. *Zapiski admirala A. S. Shishkova, vedennyye im vo vremya puteplavaniya ego iz Kronshtadta v Konstantinopol*. Sanktpeterburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii. (In Russ.).

References

- Baldin, A. N. 2009. *Protyazheniye tochki: literaturnyye puteshestviya: Karamzin i Pushkin*. Moskva: EKSMO. (In Russ.).
- Filatova-Shishkova, V. 2001. «Neugomonnny rusopyat». *Nash sovremennik*, 4: 78—81. (In Russ.).
- Knabe, G. S. 1999. *Russkaya antichnost: sodержaniye, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kulture Rossii: programma-konspekt lektzionnogo kursa*. Moskva: Izdvo RGGU. (In Russ.).
- Longinov, M. N. 2000. *Novikov i moskovskiy martinisty*. Sankt-Peterburg: Lan'; Sankt-Peterburgskiy universitet MVD. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. 2000. Ocherki po istorii russkoy kultury XVIII — nachala XIX veka. In: *Iz istorii russkoy kultury: IV (XVIII — nachalo XIX veka)*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». 13—348. (In Russ.).
- Mikhaylov, A. V. 1988. Antichnost' kak ideal i kulturnaya realnost' XVIII—XIX vekov. In: Losev A. F. (ed.). *Antichnost' kak tip kultury*. Moskva: Nauka. 308—324. (In Russ.).
- Mikhaylov, A. V. 1988. Ideal antichnosti i izmenchivost' kultury: rubezh XVIII—XIX vekov. In: *Byt i istoriya v antichnosti*. Moskva: Nauka. 219—270. ISBN 5-02-012639-X. (In Russ.).
- Naydysh, V. M. 2002. *Filosofiya mifologii: ot antichnosti do epokhi romantizma*. Moskva: Gardariki. (In Russ.).
- Nikolaev, S. I. 1995. Pervaya chetvert' XVIII veka: epokha Petra I. In: Levin, Yu. D. (ed.). *Istoriya perevodnoy khudozhestvennoy literatury: Drevnyaya Rus': XVIII vek: 1: Proza*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 74—93. (In Russ.).
- Podtergera, I. A. 2008. Retseptsiya antichnosti v russkoy kulture nachala XVIII veka. In: Bukharkin, P. (ed.). *Russko-evropeyskiye literaturnyye svyazi: XVIII vek:*

- entsiklopedicheskiy slovar'*. Sankt-Peterburg: Fakultet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 260—273. (In Russ.).
- Prikazchikova, E. E. 2009. Antichnost' v literaturnom i bytovom soznanii XVIII — pervoy treti XIX veka cherez prizmu miforitoricheskoy kultury. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnyye nauki, I / 2 (63)*: 102—113. (In Russ.).
- Topolova, O. S. 2013. Tipologiya ocherkovykh zapisey v putevom dnevnike vtoroy poloviny XVIII veka. *Vestnik slavyanskikh kultur*, 3: 62—67. (In Russ.).
- Zhivov, V. M., Uspenskiy, B. A. 2000. Metamorfozy antichnogo yazychestva v istorii russkoy kultury XVII—XVIII vekov. In: *Iz istorii russkoy kultury: IV (XVI—II — nachalo XIX veka)*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». 449—536. (In Russ.).